

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Волчьи ягоды

«ЭКСМО»

2013

Колычев В. Г.

Волчьи ягоды / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2013 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

В лихие девяностые, когда страна наслаждалась первыми глотками свободы, а братва и воровские банды боролись друг с другом за сферы влияния, в заводском поселке Тяжмаш возникла своя «бригада», возглавляемая неким Шахом. Его подруга Карина мечтала сама встать во главе братвы, и в один прекрасный день ей это удалось. Шах был убит, и она стала настоящей «леди в законе» – жестокой, властной и бескомпромиссной. Преступный бизнес Карины процветал, и ее «империя» росла как на дрожжах. Так было, пока в городе не появился авторитетный вор по кличке Сухарь, который решил, что бабе не место в большом криминальном бизнесе...

© Колычев В. Г., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Колычев

Волчьи ягоды

Часть первая

Глава 1

Сеанс закончен, посвящение состоялось – можно подняться с колен и прополоскать рот...

Карина с презрением смотрела на Лельку. Эта лохушка повелась на развод и на коленках обошла по кругу пацанов. Теперь вот отплеивается. Нанаец застегивает штаны и тупит глазки, Кобзарь прячет улыбку в кулак, Шах с отстраненным видом смотрит в потолок. Один только Панас всерьез считает, что иначе и быть не могло. Мало того, он смотрит на эту шлюшку, как на равную себе, и басовитым голосом произносит:

– Кара, Лелька теперь наш человек!

Здоровый он парень, этот Эдик Панасов, почти два метра ростом, плечи, как у Сталлоне. Волосы острижены коротко, зато брови пышные, черные как смоль, нос большой, орлиный, а глазки маленькие, ястребиные. Внешне он чем-то похож на орла, особенно сейчас, когда согнутые в локтях руки разведены в стороны. Орлом парень смотрится, только мозги у него куриные.

– Твой человек! – отрезала Карина. – Такая же идиотка, как ты!

Нельзя сказать, что Панас не умел мыслить логически. Умел. Иначе бы он не возмутился так удивленно:

– Почему как я? Разве я идиотка?

– Идиот!

– Ну-у...

Он готов был с этим поспорить, но ему требовалось для этого время. А кто ж ему его даст?

– Вы хоть бы закрывались, придурки! – набросилась Карина на остальных.

Как такового обряда посвящения в братство не существовало. Достаточно было желания в него вступить. Достаточно, если человек стоящий. А если какое-то фуфло, никто не назовет его братом.

– Да ладно тебе, сестренка! Нормально все, – ухмыльнулся Кобзарь.

Рома Кобзарь чуть ли не с детства занимался боксом, в подвале тягал железо до изнеможения, но качком так и не стал. Мышцы у него железные, но на вид не выдающиеся. Руки сильные, но плечи не широкие. И роста он среднего. Удар у него будь здоров, но вид – совсем не устрашающий. Недобор веса он компенсировал нахальством и дерзостью, а недостаток роста – высотой прически. Пышная у него шевелюра. Если волосы в красный цвет покрасить, возникнет впечатление, будто костер на голове развели.

Только Рома мог додуматься до такого, чтобы пустить Лельку на «круг». Развел ее на быстрый секс как последнюю лохушку и рад. Но с него какой спрос? Он на моральный кодекс строителя коммунизма не молится...

– Да у тебя-то, может, и нормально. А эта шлюшка что здесь делает?

Подвал у них в доме большой, места здесь много. Это ведь Центр творчества молодежи, здесь как бы кружки всякие должны работать. И как бы работают. Но в директорскую комнату допускались только те, кого Карина, Кобзарь и Шах приняли в свое братство, кого признали за своего. Панас и Нанаец свои, а Лелька – нет. Ей в борделе самое место.

– Я не шлюшка! – возмутилась Лелька.

– А кто ты? – с удивлением спросила Карина.

– Я... Я теперь с вами...

– Кто тебе такое сказал?

– Кобзарь сказал... Шах... А разве нет? – Лелька растерянно посмотрела на Кобзаря, но тот прятал от нее глаза, усмехаясь в кулак.

– Хочешь сказать, что я тоже *такой* обряд посвящения проходила? – бросила на нее злой взгляд Карина. – Думаешь, я тоже тут... у всех?.. – И неожиданно ударила Лельку кулаком в челюсть. Та рухнула на спину, высоко вверх забросив свои кривые ноги. – Ты так думаешь, да?

Карина росла на улице, телячьи нежности не про нее. И дралась она совсем не как девчонка, а так, что далеко не всякий пацан мог сладить с ней. Потому и была она здесь первой среди равных. Никто не утверждал ее верховенство, само собой как-то вышло. Может, потому и тянет девчонок в братство, что Карина здесь за рулевого. Некоторым даже везет – Алиса и Натка яркий тому пример. У Алисы черный пояс по карате, а Натка – просто чумовая девчонка, к тому же она медучилище заканчивает, если вдруг что, и кровь остановит, и рану зашьет. Да и в постели может первую помощь оказать – не каждому, но многим, и то, если очень хорошо попросить...

– Ну, чего молчишь, тварь? – Карина схватила Лельку за волосы, оторвала от пола и снова ударила кулаком в нос.

Бедняга растянулась на полу, затем стала отползать от своего палача, а Карина с отвращением смотрела на нее.

– Еще? – зло спросила она.

– Не надо! Ну, пожалуйста! – размазывая кровь по лицу, разрыдалась Лелька.

– Все поняла?

– Все!

– И кто ты?

– Шлюха!

– А что шлюха здесь делает?

Лелька поднялась и, опасливо глянув на Карину, с поспешностью побитой собаки прошмыгнула мимо нее.

– Зачем ты так? – усмехнулся Кобзарь. – Девочка старалась...

Он мастер спорта по боксу, кубков и медалей не сосчитать, но Карина все-таки рискнула ударить его. Резко ударила, без размаха – кулаком точно в подбородок, но Кобзарь на ногах удержался. Поплыл слегка, но удар, в общем-то, выдержал. А в ответ бить не стал. И дело тут не только в том, что Карина – женщина. Просто он знал, что драться она будет до последнего. Худенькая, на вид вроде немощная, но вырубить ее в драке практически невозможно. Сколько ее ни бей, все равно она будет подниматься и давать «ответку». Такая уж у нее физиология и натура... К тому же за Карину мог вступить Панас. Парень он простодушный, сам по себе, в общем-то, безобидный, но за своих готов биться смертным боем. Кобзарь для него тоже свой, но Карину он все-таки уважал больше.

Кобзарь хорошо это знал, потому и не стал отвечать ударом на удар. Но возмущение в нем хлестало через край:

– За что?!

– За то, что ты меня подставил!

– Я тебя подставил?

– Рома, я с тобой трахалась?

– Нет, – мотнул головой Кобзарь.

– А с тобой, Игорек?

– Нет, – ответил Шах и, мотнув головой, добавил: – Глупости ты говоришь, сестренка!

Игорь Шахов был самым старшим в братстве. Два года в морпехе отслужил, столько же на заводе отработал. Ему бы жениться да семью завести, но не стремился он к этому. Нравилась ему пацанская вольница, но еще больше привлекала власть над ней. Он тоже центровой в братстве, пацаны во всем слушают его, что ни говори, а уважение Шах заслужил. Он и подвал этот выбил под Центр творчества, и ремонт организовал, качалку здесь сделал, пацанам рукопашный бой, которому его в армии научили, преподает. А ведь он не просто в морпехе служил, а в разведроте... Алиса секцию карате здесь открыла, но это не совсем то, что нужно. Шах реальным вещам учил, а в спортивном карате в основном показуха...

– Никому такая мысль в голову не придет, – продолжал Шах, – а если Лелька ляпнет... Ну, она знает, что с ней будет.

Шах спал с Алисой, но при этом его не пугало, что она может узнать о его развлечениях с Лелькой. Во-первых, он во всеуслышание объявил, что считает себя свободным человеком, а во-вторых, Алиса влюблена в него так, что готова простить ему все. Даже Карину...

Все знали, что Шах неровно к ней дышит, да он этого и не скрывал – ни перед ней, ни перед Алисой, ни перед братвой. Симпатичный он парень – армейская прическа, правильные, по-мужски жесткие черты лица, сильный взгляд, суровый характер. При всем своем несерьезном отношении к жизни достаточно строг к себе и готов на все, чтобы не уронить свой авторитет, но до подлостей никогда не опускался.

– Зря ты, Кара, – потирая отбитый подбородок, сказал Рома. – Все знают, что тебя хрен раскрутишь...

– Считай, что я купилась. – Карина села в старое продавленное кресло, достала из кармана куртки пачку «Родопи», закурила и выдохнула дым в потолок. – Ты, Рома, извини, погорячилась я.

– Да мы сами, по ходу, виноваты. Устроили бардак, в натуре...

– Бардак... – кивнула она и тут же косо взглянула на Шаха: – Ну, чего смотришь?

Он действительно смотрел на нее с упреком. Не нравилось ему, что Карина курит. Пацанов он уже давно отучил от этого дела. Если кто-то и курил, то делал это втихаря. Нет, он никому морали не читал, просто брал курильщика в оборот, такие нагрузки ему задавал, что весь никотин вместе с блевотиной выходил... С Кариной он так поступить не мог, но ведь она понимала, что другим подает дурной пример. Нехорошо это, плыть против течения.

– Ладно, уговорил... – затушила сигарету Карина.

– «Южане» толпу собирают, – с важным видом заговорил Панас. – Сказали, что завтра на скачках всех «северян» замочат...

Поселок Тяжмаш негласно делился на Юг и Север, и эти две стороны постоянно выясняли отношения между собой. На волне вражды к «южанам» Карина, в общем-то, и подняла свой авторитет. На равных с пацанами дралась, за это ее и уважали. Да и «северное братство» они с Кобзарем и Шахом основали, чтобы противостоять натиску «южан».

Что ж, если завтра намечается драка, «северяне» выйдут на нее большой и подготовленной толпой. И драться Карина будет, не жалея себя. Но все это как-то несерьезно. Победа над «южанами» – это не та цель, к которой надо стремиться... А раз не та, значит, надо стремиться к чему-то другому...

Глава 2

Лето на дворе. Типичное московское лето – серое небо, мокрый асфальт, шестнадцать градусов тепла. Если это вообще можно назвать теплом.

В Ялте сейчас солнце, жара, чайки над морем кружат, яблоками там пахнет и шашлыком. И платье надеть можно, туфли на высоком каблуке, чтобы мужчин своими длинными ногами соблазнять. На курорте Карина могла позволить себе многое из того, что запрещала себе здесь. Но сегодня у нее почти что курортное настроение. Тушь на ресницах, губы покрашены, в брюках она, но туфли на каблуке. Невысокий каблук, не тонкий, но все-таки это лучше, чем ходить в кроссовках.

Правда, до тетки еще надо добраться. Деньги на билет до Ялты есть, но, чтобы его купить, надо ехать в Москву. Это не очень далеко, двадцать четыре километра на электричке. Плохо только, что электричка ушла, следующая только через сорок минут.

Нет, Карина не спешила, но и ждать не хотелось. Хотя «Волг» с шашечками что-то не видать, зато частников хватает, «Лады» стройным рядом стоят, как на выставке, – «семерки», «шестерки». Даже новенькая «девятка» в этот строй затесалась.

Народ в Тяжмаше живет неплохо: завод здесь богатый, зарплаты хорошие, потому и таксисты процветают. И сейчас машины одна за другой на Москву идут. Все правильно – чем дольше ждать электрички, тем выше спрос на такси.

Карина подошла к белой «семерке», у которой стоял толстопузый мужик с рыжими усами. Нахальная ухмылка на губах играет, а на пальце ключ от машины крутит.

– Тебе куда, красивая? – спросил он, без всякого стеснения раздевая ее взглядом.

– В Москву.

– Чирик.

– А не много?

– В самый раз.

Это уж слишком! Билет до Ялты столько не стоит, поэтому Карина повернулась к водителю спиной.

– Эй, постой! – Мужик грубо схватил ее за плечо, развернул к себе и чесночной отрыжкой дыхнул в лицо. – Могу натурой взять!

– Ты ничего не попутал, мужик? – завелась Карина.

– Ты с кем разговариваешь, шалава конченная?

– Руку отпустил!

Но рыжеусый, напротив, рванул руку на себя и ловким заученным движением закрутил ее Карине за спину. От боли в локтевом суставе закружилась голова.

– Слышь, мужики, проститутки совсем оборзели! – обратился он к другим водителям, которых с каждой секундой становилось все больше. Скучно им, а тут целое представление. Карина с ненавистью смотрела на них. Ну, хоть какая бы падла заступилась за нее!

– Я не проститутка! А ты, козел, за свой базар ответишь! – простионала она.

– Ну, я тебе сейчас покажу козла!

Рыжеусый потащил Карину к своей машине, но на пути у него вдруг появился симпатичный парень в темно-сером костюме. Среднего роста, худощавый, не очень подвижный. В нем самом не было ничего угрожающего. Судя по всему, он это понимал, потому пустил в ход служебное удостоверение:

– Капитан Кастаньский. На пятнадцать суток захотел?

– Я?! На пятнадцать суток?! – отпуская Карину, возмущенно протянул водитель. – А что я такого сделал? Она сама!

– Свободен.

– Мы еще встретимся! – люто зыркнув на рыжеусого, пригрозила Карина.

Она хотела еще и ногой его пнуть, но капитан взял ее под руку и куда-то повел. Удивительно, но она даже не пыталась сопротивляться.

– Вот видите, товарищ капитан, сама же пристаёт! Встретиться со мной хочет. Сто рублей за час! – донеслось им вслед. – Откуда ж такие деньги?

– Ты кто такая? – сухо спросил Кастальский, отпустив Карину.

Он смотрел на нее холодным, почти бесчувственным взглядом, и это почему-то взбесило Карину:

– Да пошел ты! – резко повернулась она к нему спиной и зашагала в сторону кассы.

В городе Сочи темные ночи. Но Москва не Сочи, здесь в июне темнеет поздно, в районе двенадцати ночи. Половина одиннадцатого вечера – еще светло, но людей уже мало. Некого таксистам развозить, потому и стоят они гуртом. Треплются о чем-то, хохочут. Рыжеусый в центре внимания – пузо вперед выкатил, ключи на пальце крутятся. Весело ему. Ничего, сейчас еще веселей станет.

Пацаны шли к станции рассеянной толпой. Ничего особенного – пассажиры к вечерней электричке идут. Одеты они неважно, молодые все, взять с них нечего, поэтому таксисты не обращали на них внимания. А зря.

Карина шла как будто сама по себе. Ее заметили, и таксисты начали скалиться, показывая на нее пальцами. И никого не смущало, что Карина шла прямо к ним. Никто не видел в ней опасности.

– Что, натурой решила расплатиться? – спросил у нее рыжеусый.

Она кивнула, вроде как соглашаясь. Еще пару шагов, и можно бить.

– Вот здесь и начинай!

– Начинаю! – кивнула Карина и с ходу выбросила вперед ногу.

Мужчины, может, и сильнее женщин, но есть у них одна слабость, которой нет у Карины. Именно по этой слабине она и ударила. Со всей силы.

От боли рыжеусый сложился пополам, низко опустив лицо. А Карина умела бить коленкой с подпрыга. Умела бить жестко, на убой. Не выдержав удара, он рухнул на спину, раскинув руки. Глаза стали дикими от страха и растерянности.

Таксисты замолкли, растерянно наблюдая за расправой, никто даже не пытался вступить за рыжеусого. Все-таки девчонка была, а не мужик. К тому же братва уже подтягивалась к Карине, полукругом обступая ее. Пацанов было много, человек двадцать, среди них несколько внушительного вида качков. Водители еще не понимали, что это люди Карины, но чувствовали себя более чем неуютно.

Карина подпрыгнула и сверху вниз снова ударила рыжеусого – пяткой в почку. А затем, коленкой надавив ему на шею и схватив за волосы, оторвала его голову от земли.

– Ты кого шалавой конченной называл?

– Ты, дура, хоть понимаешь, что тебе конец! – простонал тот.

– Кому конец? – взбесился Панас.

Он перенял у Карины эстафету, одной рукой схватил рыжеусого за штанину, другой – за ворот куртки, оторвал его от земли с такой легкостью, словно это какое-то чучело, и со всей силы обрушил вниз. Тяжелое тело с пугающим хрустом шлепнулось о землю.

Только тогда водители зашевелились и угрожающе двинулись на братву. Их было примерно столько же, человек двадцать, но бойцы «северного братства» готовы были биться с любой, хоть втрое превосходящей толпой. И столько решимости было в их движении вперед, что таксисты дрогнули, сдали назад, а некоторые поспешно вернулись к своим машинам. Карина беглецов останавливать не стала. С трусами даже договариваться необязательно: что им скажут, то они и сделают.

– Слушай сюда, урод! – Карина двумя руками схватила за грудки пышногривого таксиста. – Я никого сегодня не тронула! Вы сегодня меня тронули! – свирепо чеканила она слова. – Вы сегодня меня обидели! Отвечать за это будете! Все за это ответите! Понятно?

– П-понятно...

– Значит, чирик до Москвы?

– Да нет, пятерка...

– Да, но с меня чирик просили. И я теперь с каждого по чирику брать буду. Понимаешь?

– Э-э... Нет.

– Тридцать чириков со всех вас. В день с вас по тридцать чириков. Понимаешь?

– Нет.

– Это наша территория. Если хотите работать здесь, будете нам платить. Если нет, работать вам не дадим. Теперь понятно?

– Э-э...

– Мы завтра подойдем, восемьсот «рябчиков» готовы. Триста – за право работать и пятьсот – за то, что никто из вас за меня не заступился... – Карина кивнула на рыжеусого, который с трудом поднимался с земли. – Если нет, пеняйте на себя. Понятно?

– Понятно.

– Ну, тогда гуд бай!

Она оттолкнула от себя пышногривого и повторила свой коронный удар. Таксист сложился пополам, а потом в нос ему врезалась коленка. Щадить Карина никого не собиралась.

Таксисты платить отказались. Вчера Карина с бойцами пришла за деньгами, но водители гуртом подошли к ним и заявили, что денег не будет. С монтировками подошли, злые, решительные.

Монтировки Карину не пугали, братву – тоже, но драка так и не состоялась. Все-таки не на Диком Западе они живут, где главное слово принадлежит господину «кольту». Железнодорожная станция «Тяжмаш» – это северная часть поселка, территория «северного братства». Кобзарь и Шах предлагали выждать время, а потом всеми силами навалиться на таксистов и смешать их с грязью. Понять их можно – кровь горячая, кулаки чешутся. Карине тоже нравился такой вариант, но все-таки она решила обойтись без крови.

Поэтому братва сегодня с утра снова была на вокзале. Работа уже началась. Какой-то мужик от кассы шел к таксистам, но на пути у него выросли Жлоб с Кашей. С угрожающими оскалами на лицах они объяснили мужику, что нельзя пользоваться частными такси. На руках у них были красные повязки, дескать, они – народные дружинники. А Славян с Керогазом уже перекрывали путь женщине с сумкой. И эти с красными повязками. Панас, Пароход и Слон присматривали за таксистами, чтобы те вдруг не полезли в драку. Это самые мощные ребята в братстве, связаться с ними мог рискнуть только самоубийца...

Таксисты злились, но молчали в тряпочку. Панас, Пароход и Слон с одной стороны страховали «народных дружинников», Нанаец, Смоль, Кряк и Пашан – с другой. Эти вчетвером смотрелись не так внушительно, но и с ними лучше не связываться.

После обеда появились менты. На желто-синей «канарейке» подъехали. Один в штатском, двое в форме, но без автоматов.

Карина, Кобзарь, Шах и Алиса сидели за столиком летнего кафе, откуда хорошо просматривалась площадь перед станцией, и смотрели, как «народные дружинники» отпугивают клиентов.

Появление ментовской машины не осталось для них незамеченным. Карина уже знала, что нужно делать. Взяв с собой Алису, она отправилась к ментам.

Мент в штатском уже успел взять за руку Кашу и пальцем тыкал ему в повязку:

– Что это такое?

– Добровольная дружина, товарищ милиционер, – ответила за Кашу Карину. – Мы – добровольная дружина. Постановления партии и правительства не читаете?

– Какие постановления? – озадаченно посмотрел на нее мент.

– Я же говорю, партии и правительства. Мы говорим «партия» – подразумеваем «народ». Мы говорим «народ» – подразумеваем «партию». Народ и партия едины. Или вы с чем-то не согласны?

– Что ты такое говоришь, девочка?

– Я не девочка, я – представитель народа. А эти, – показала Карина на таксистов, – обижают народ. Во-первых, цены дерут, а во-вторых, налоги не платят.

– Давайте расходитесь, представители народа, – хмыкнул мент.

– А вы представитель прокуратуры? – удивленно посмотрела на него Карина.

– Я – представитель закона.

– Ну, если это мне скажет представитель прокуратуры, а так, извините, не верю.

Мент полез в карман за удостоверением.

– Маша, давай звони в прокуратуру, – обращаясь к Алисе, строгим тоном проговорила Карина. – Скажи, тут из милиции подъехали, «левых» таксистов выгораживают...

– Кто таксистов выгораживает? – оторопел от такой наглости мент.

– Если хотите, мы можем обсудить это в прокуратуре, – окатила его холодным взглядом Карина.

Мент резко поднял вверх руку, будто собираясь ударить ее, но девушка даже глазом не моргнула.

– Да ну вас! – так же резко махнул он и направился к машине.

Менты уехали, а через пару часов таксисты пришли на поклон. Их представлял пышно-гривый. Карина уже знала, как его зовут.

К летнему кафе Боря приближался с опаской, от Карины остановился на таком расстоянии, чтобы она не смогла достать его ногой, и начал издали:

– Это, мы наказали Костю.

Карина выразительно повела бровью. Дескать, какого Костю они наказали?

– Ну, он тебя позавчера обидел. Он больше с нами не работает... И по чиреку мы не берем, по пятерке берем...

– Короче! – раздуваясь от важности, поторопил его Шах.

– Штраф мы платить не будем, – опустив голову, с опаской сказал Боря.

– Ты в этом уверен? – вспыхнул Кобзарь.

Карина осадил его взглядом. Дескать, все правильно, спуску мужикам давать нельзя, но пока еще рано гнать волну.

– Ну, пятьсот рублей – это слишком...

– А триста в день? – спросила она.

– Тоже много. Если по триста платить, то никто здесь работать не станет.

– Ну, давай, попробуем, посмотрим.

– Не надо пробовать... Мы по сто рублей платить можем...

– С каждого? – хлестко спросила Карина.

– Нет, со всех! – вздрогнул Боря.

– Двести в день, и никаких проблем. Иначе останетесь без машин... Сказать, в каком гараже ты машину ставишь? Гаражно-строительный кооператив номер пять, улица Розы Люксембург. Прямо в гараже машина и сгорит. Сама по себе. Контакты замкнутся, и все... Не веришь?

– Э-э... – с бледным видом промычал Боря.

– Все очень серьезно, мужик. Мы с вас не слезем, и не надейся...

– Ну, хорошо, я с мужиками поговорю.

– Это время, – покачала головой Карина. – Через время дороже будет. Давай иди с мужиками поговори.

– Э-э, ну, хорошо, пусть будет двести...

– Давай.

– Что давай? – не понял Боря.

– За вчера двести, за сегодня двести. Итого четыреста... Десять минут у тебя. Пошел!

– Ты что, не понял? – вскочил со своего места Кобзарь.

Пышногривый пугливо кивнул и направился к своим – собирать дань. Уже через час братва уносила с собой четыреста рублей. Это были не просто деньги. Это было событие, которое ставило крест на беспричинных драках с «южанами» за место на дискотеке. Драки будут, но за место «под большим солнцем».

Глава 3

Перестройка, гласность, ускорение... Оказывается, это далеко не пустые слова. Перестраиваются люди, кооперативы открывают, джинсу шьют, в открытую ею торгуют, никого не стесняясь. Раньше за фарцу сажали, а сейчас это называется предпринимательством. Вот тебе и гласность. Темпы продаж растут, а вместе с ними расширяются и барахолки. Вот тебе и ускорение...

Так называемый «черный рынок» из парка перекочевал вдруг на пустырь между домами на Пролетарской улице. Сеткой участок огородили, длинные столы поставили, и теперь по выходным здесь шла бойкая торговля. Да и в будние дни на этой точке можно было прибарахлиться. Раньше народ в Москву на Рижский рынок ломился, а сейчас те же джинсы, кроссовки, футболки и прочий фильдеперс можно было купить в самом поселке. Люди в Тяжмаше жили небедные, потому деньги на «Пролетарке» крутились немалые. И кооператоры себя неплохо чувствуют. А почему? Да потому, что некому здесь дичь отстреливать. Воры по карманам шарят, им большего не надо. «Южане» рады тому, что подмяли под себя поселковую дискотеку. Они там себя королями чувствуют, и это для них вершина счастья. Зато «северяне» уже вошли во вкус легких денег. Железнодорожная станция уже под ними – со всем частным таксопарком и кооперативными кафешками. На очереди – барахолка на Пролетарской.

– Почем? – развесив на руках джинсовую куртку, спросила Карина.

Неплохая куртка, модная, пошита хорошо, строчки крепкие. Ярлык заморский на ней, но видно, что не фирма. «Made in USSR» в самопальном исполнении.

– Сто пятьдесят, – сквозь губу процедил широколобый мужик с нездоровым красным цветом лица.

– Я для брата, – кивком показала на Панаса Карина.

Задача у Эдика простая – стоять рядом с ней и делать глупый вид. Что называется, человек на своем месте.

– Да мне какая разница? – скривился кооператор.

– Эдик у меня в горячем цеху работает. Сто пятьдесят рэ в месяц получает.

– Это не мои проблемы, – начал раздражаться мужик.

– А ты такую куртку за день шьешь. Или даже за полдня.

– Девушка, проходите, не мешайте работать.

– А чего так грубо? – возмутилась Карина. – Люди в горячих цехах на страну работают, а ты с них месячную зарплату за какую-то говенную куртку дерешь! Не стыдно?

– Девушка, я сейчас милицию позову!

Пароход и Слон только этого и ждали:

– Что такое, гражданин?

С красной повязкой на руке Пароход карикатурно напоминал Моргунова из «Операции «Ы».

– Да вот, работать мешают, – повелся продавец.

– А разрешение на работу есть? – насел на него Слон. – А лицензия? А справка из налоговой?..

Ничего такого у кооператора не было.

– Нет у меня справки. Но налоги я плачу! В налоговой инспекции можете узнать!

– С чего ты платишь? С одной куртки? А продаешь сколько? Мы за тобой давно уже наблюдаем, мужик. Знаем, сколько и чего ты продаешь. Поверь, в налоговой тебя за яйца подвесят! – оскалился Слон.

– В переносном смысле подвесят, – улыбнулась Карина. – А мы в прямом смысле это сделаем... Не веришь?

Наконец-то до мужика дошло, что это наезд.

– Э-э... Ну-у... Ну, хотите, я за так отдам вам эту куртку?

– А чего ты заколотился? – хищно сощурилась Карина. – Куртку нам сдаешь... Что, с налогами не чисто, да?

– Да нет, нормально там все, – страдальчески скривился кооператор.

– Ну и хорошо, если нормально. Сейчас мы с тебя двести «рябчиков» снимем. Считай, что это грабеж. Можешь в ментовку обратиться, если у тебя с налоговой все нормально. Давай обращайся. А мы докажем, что там у тебя не все нормально. И «штуку» с тебя за свои труды снимем. Ну, а если бодаться будешь... Слон!

Слон вдруг резко поднял вверх две руки, сцепленные в замок, и с силой опустил их на прилавок. Две доски тут же проломились с устрашающим хрустом.

– А если он тебя так по голове ударит?

– Э-э, я все понял... Но двести много, я сегодня только одну куртку продал...

– Одну куртку, – кивнула Карина, – и три пары джинсов... А может, и больше. За всем же не уследишь, да? А мы следим, мы все видим. Хочешь, мы тебя на процент от прибыли поставим?

Мужик вздохнул и полез в карман за деньгами. Но Карина этого как будто не заметила. Она примерила куртку на Панаса. Тютелька в тютельку, что называется. Пусть носит, пусть помнит ее доброту. Что-то Шах и Кобзарь одеяло на себя тянуть стали, как бы не пришлось сцепиться за ними в борьбе за власть. Поэтому и заручалась она поддержкой Панаса. Он хоть и туповат, но в союзе с ним спокойней. К тому же тупость его только на руку: чем тупее человек, тем он преданнее...

– Берем. – Карина положила на прилавок десять копеек и хмыкнула: – Ну, чего смотришь? Сдачу гони! Полтинник с тебя! – Она забрала у торговца два четвертных, сунула их себе в карман. – Если вдруг какие-то проблемы, обращайся, всегда поможем. А если к ментам побежишь, похороним за свой счет.

Рейд по торговым рядам удался. Только за один день касса «северного братства» пополнилась на шесть, без малого, тысяч рублей. И завтра должно быть не меньше...

Боксерская «груша» – не человек, отпор не даст, но все-таки лучше тренироваться с ней, чем без нее. Удар, еще удар, еще... Рукой, ногой, снова рукой... Сильней, быстрее, еще быстрее...

– Кара, у нас проблемы, – звонко прозвучало за спиной.

Карина остановилась и обернулась.

– «Южане» «стрелу» забили, – с суровым видом сказал Шах. – Завтра в шесть вечера у очистных.

Кобзарь чинно кивнул, подтверждая слова.

– Дискотека?

– Нет, «Пролетарка»...

– Проснулись-таки...

Карина сняла перчатки, покинула душный боксерский зал, прошла в директорскую. Здесь и мебель уже новая, и ковры на полах и стенах, в холодильнике пиво, «Боржом».

Она откупорила бутылку с холодной минералкой, плюхнулась в кресло и требовательно посмотрела на Кобзаря:

– Ну, давай, рассказывай.

– Что – рассказывай?

– Кто конкретно наехал...

– На барахолку наехали... Мы там были, а ты здесь... Там надо было быть, тогда бы все знала, – выговорил ей Кобзарь.

– Я что-то не поняла: это что, наезд?

– Это не наезд, – покачал головой Шах. – Просто мы с тобой на равных, а ты ведешь себя так, будто мы никто...

– Значит, наезд, – кивнула Карина.

Бунт на корабле. Мальчишки решили тягаться с девочкой. Раньше ничего, не возмущались. Но ведь раньше и денег шальных не было. А там, где деньги, там склоки, интриги. Карина должна была это понимать. И понимала.

– Да нет, не наезд. Просто определиться надо, кто из нас самый старший, – осторожно проговорил Шах.

– Я так понимаю, ты уже определился, – усмехнулась Карина.

– А что тут определяться? – пожал плечами Кобзарь. – Игорь самый старший среди нас, пусть он рулит...

Карина задумалась. Плохо дело. Шах и Кобзарь, видимо, сговорились. Если она примет их вариант, то окажется третьей по счету... Сход можно собрать, но не факт, что братва подтвердит ее старшинство. Как бы на последних ролях не оказаться.

– Ну, пусть рулит, – нехотя согласилась она.

Не сладить ей с Кобзарем и Шахом. Сомнут они ее, если вдвоем навалятся. Сомнут и не вспомнят о своих к ней чувствах. Там, где большие деньги, чувства отходят на второй план.

– Тогда слушай. – Шах приложил ко рту кулак, чтобы скрыть вздох облегчения. Не думал он, что Карина так быстро уступит ему. – «Южане» сами хотят снимать с «Пролетарки».

– Так это наша территория, – пожала плечами Карина.

– А они считают, что их.

– Значит, надо собраться, линию по карте прочертить.

– Да, но каждый в свою сторону потянет.

– Косолап «стрелу» забил, братву собирать надо, – с важным видом изрек Шах.

– Это не ко мне. Ты у нас рулевой, ты и собирай.

– Да это не вопрос...

– А в чем вопрос?

– Ни в чем... И разбор я держать буду.

– Не отдашь «Пролетарку»?

– Не отдам.

– А зачем она? Барыги забурели, делиться не хотят...

Действительно, ситуация с барахолкой стремительно выходила из-под контроля. Кто-то из торгашей в РОВД стукнул, теперь по рынку ментовские наряды ходят. А проблемы с законом никому не нужны, деньги на свободе хорошо тратить. Поняли барыги, что не хочет братва связываться с ментами, почуяли, так сказать, слабинку, поэтому зажимают выплаты. С таксистами, как это ни странно, без проблем, но ведь и они могут взбунтоваться.

– Ну, хотят – не хотят, а «штуку» в день имеем, – заметил Шах.

– Скоро и того не будет.

– И что ты предлагаешь?

– Я предлагаю?! Ты у нас старший, ты и предлагай...

– А что тут предлагать? – скривил губы Кобзарь. – Где барыги живут, мы знаем. Отлавливать будем и «гасить»...

А ведь это Карина придумала разведкой заняться, всех «данников» на карандаш взять. Она этим и занималась, постепенно расширяя «черный» список за счет новых барыг. У кого-то швейный цех подпольный, кто-то паленую водку чуть ли не в промышленных масштабах гонит, а на днях братва на мастерскую вышла, где ворованные машины на запчасти разбирались. Информация была, но никто ни на кого пока не наезжал. Чувствовала Карина, что Кобзарь и Шах собираются вытеснить ее на обочину, потому и не рвалась в бой. И сами они трусоваты.

Драться не бояться, а с ментами связываться не хотят. Зачем же ей рисковать своей головой, таская для них каштаны из огня?

– Прямо сегодня и начинай, – язвительно усмехнулась она.

– Не так все просто, – покачал головой Кобзарь. – Барыги в ментовку могут заявить.

– И что?

– Ну, мы ментов, конечно, не боимся... – замылся Шах. – Просто сначала надо с барахолкой решить. Если «Пролетарка» за нами останется, тогда барыгами займемся.

– А ты что, насчет «Пролетарки» сомневаешься? – звонким от возмущения голосом спросила Карина.

– Я сомневаюсь?!.. Кто тебе сказал, что я сомневаюсь? – слегка растерялся Игорь.

– Не надо ничего говорить, у меня глаза есть, чтобы видеть... Короче, с ментами надо договариваться. Деньги у нас есть, возьмем на прикорм какого-нибудь опера, он будет держать нас в курсе дела. Если какой-то барыга «заяву» накает, он заявление придержит, а мы заставим его забрать...

– А разве я не об этом говорил? – вскинулся Кобзарь.

– Слова слышала, а дела не видела... Или хочешь, чтобы я ментами занялась?

– Ну, тогда на станции у тебя круто получилось, – с важным видом изрек Шах.

– Отмашку мне даешь?

– Да надо бы вопрос решить...

– Хорошо, с ментами я решу. А дальше? С барыгами тоже мне решать?

– Нет, с барыгами мы как-нибудь сами...

– Как-нибудь?.. И с «южанами» тоже как-нибудь?

– Не, с «южанами» конкретно надо решать...

– Конкретно – это всех в расход. Ты сможешь, например, Косолапа завалить? Наглухо сможешь? – язвительно посмотрела на Шаха Карина.

– Из чего?

– Это ты у меня спрашиваешь? Ты же у нас рулевой, вот и должен был проблему со стволами решить. Сколько ты стволов купил?

– Где я их куплю?

– Людей искать надо. Есть люди, которые этим занимаются. Я понимаю, страшно это, на ментов можно нарваться... Но волков бояться – в лес не ходить.

– Я смотрю, ты умная очень! – раздраженно буркнул Шах.

– Не умная, но проблему со стволами решить смогу. Есть у меня выход на одного человека, он знает, где «железки» взять...

– Так в чем же дело?

– Мне еще и стволами заняться? А ты что делать будешь? На мне будешь ездить? Так я к тебе в ишаки не нанималась... Короче, давайте решать: или мы движемся вперед, или давайте барахолку «южанам» сдавать. Барахолку сдадим, а таксисты сами от нас разбегутся. Слабаков никто не боится!

– Кто слабаки?! – взвился Кобзарь. – Завтра покажет, кто слабаки, мы или «южане»!

– Ну, мы им навалим, а дальше что? Послезавтра они снова на нас наедут. Сколько мы с ними воюем и ничего сделать не можем... Тут что-то одно нужно: или наглухо их всех валить, или договариваться.

– О чем договариваться? – озадаченно спросил Шах.

– А ты сам подумай, о чем. Завтра на «стрелке» и скажешь. А мне с ментами решать надо. Есть у меня на примете один человек...

Карина вдруг вспомнила про Кастальского. Этот парень до сих пор продолжал волновать ее воображение. Вроде бы и не было в нем ничего особенного, но ей почему-то хотелось

продолжить с ним знакомство. Но Кастальский в поселковом РОВД не служил. Может, это из линейного отдела мент, а может, он служит где-нибудь в МУРе...

Хорошо бы Кастальский на нее работал, но, увы, это невозможно. Поэтому она присмотрела немолодого уже опера, давно потерявшего интерес к службе. Старший лейтенант Казанков больше думал о пенсии, чем о своей работе. Пенсия у него небольшая, фазенду в деревне на нее не купишь, а хотелось бы...

Карина почти не сомневалась в том, что Казанков согласится работать на нее, но подойти к нему пока не торопилась. Сначала надо было разобраться с «южанами».

Глава 4

Чайки над морем, рестораны на набережной, загорелые парни в белых брюках – все это там, в Крыму. А здесь, в Тяжмаше, все серое и унылое, и единственное развлечение для молодежи – дискотека в Доме культуры. Зато Карина одета, как на курорте, – блузка на ней модная, обтягивающие вареные джинсы, туфли на шпильке. И в парикмахерской она побывала, чтобы голову в порядок привести, там же и макияж ей сделали.

У Панаса чуть челюсть не отвалилась, когда она вышла из парикмахерской. И Косолап на нее засмотрелся. Главарь «южан» шел со своей подружкой на дискотеку. «Северяне» на Дом культуры больше не претендуют, поэтому он здесь король. Правда, без свиты он все-таки ходить побаивается, но три бойца следуют за ним в отдалении. Зато Панас прячется в кустах, нечего ему здесь пока делать.

Косолап невысок ростом, но мощный, коренастый. Голова квадратная, брови ровные, глазки маленькие. Не красавец, зато девушка с ним симпатичная – светловолосая, голубоглазая. И наглая.

– Чего лыбишься, сучка? – заметив интерес, с которым Косолап смотрел на стоящую в одиночестве Карину, со злобой бросила она. Наверное, решила, что ей все можно, если она ходит под ручку с первым парнем на деревне.

В ответ Карина широко улыбнулась и вlepила ей пощечину. С такой силой вlepила, что девушка не удержалась на ногах и упала. Вроде и Косолапа под руку держала, а все равно в лужу села.

– Эй, я не понял? – оторопело глянул на Карину Косолап.

– Где ты таких языкатых находишь, Косолап? – дерзко усмехнулась она.

– Кара?! Ты?!.. Ну ни фига себе! – Косолап не знал, радоваться ему или бояться.

– Поговорить надо, – сухо произнесла Карина.

– Здесь?

– Здесь.

– А братва твоя где?

– Братва завтра будет, если не договоримся.

– О чем?

– Уйди! – повелительно махнула она рукой, прогоняя перепуганную блондинку.

– Пльви, рыба, я тебя догоню... – поддержал ее Косолап. И еще он отогнал подальше от себя свою свиту. Карина для него враг, но достойный уважения. И даже восхищения.

– Я так понимаю, ты на «Пролетарку» замахнулся? – для затравки спросила Карина.

– Это наша территория! – оцетинился Косолап.

– Завтра разборка будет. Потом еще. Потом еще и еще... Воевать будем, а рыба мимо проплывет. Чем дольше воевать будем, тем больше рыбы мимо проплывет.

– Что ты предлагаешь?

– Рыбу надо вместе ловить. Ты забрасываешь сеть с одного берега, Шах – с другого. Забрасываете и тянете...

– Что-то я не догоняю?..

– Барыги на барахолке буреют, ментами угрожают. С местными «мусорами» мы решим, но могут из Москвы нагрянуть... Короче, барыг встряхнуть надо. Завтра ты со своими наедешь на «Пролетарку», раскидаешь товар, перевернешь столы. Потом появимся мы и прогоним вас...

– Ну, это мы еще посмотрим!

– Не надо ничего смотреть! – уголками рта улынулась Карина. – Это не наезд, это спектакль будет. Вы нагоняете страху на барыг, мы с вами решаем, затем «снимаем» с них за решение проблемы. Хорошо «снимаем», а навар делим с вами пополам. Теперь догоняешь?

– Теперь догоняю... И какой навар?

– Косарей десять, не меньше.

– Десять тысяч?! – От удивления у Косолапа глаза на лоб полезли. Он уже понял, что грубая физическая сила может приносить доход, но еще не осознавал, в каких количествах.

– У нас богатый поселок, потому и деньги здесь реальные крутятся. Но недалеко Долгопрудный, там братва конкретная. Если навалятся, без штанов нас оставят, а может, и без головы...

– Долгопрудный?

– А ты про долгопрудненскую братву не слыхал? Они сейчас Москву с «люберами» делят, а потом за нас возьмутся...

Карина знала, что говорила. Раньше она не интересовалась тем, что происходит в Москве и вокруг нее, а сейчас хочешь не хочешь, нужно держать нос и ухо по ветру. А разведка у нее работала. Может, и не так хорошо, как она хотела, но кое-какая информация на этот счет у нее имелаась.

– Ну, про «люберов» я слышал, – пожал плечами Косолап.

– А еще чеченцы есть. Эти разборки со стрельбы начинают. Автоматы достают, и понеслось. Автоматы, гранаты... Не все так просто, Женя. Сила нужна, чтобы на плаву удержаться. А какая у нас сила? У нас десятка два бойцов, и у тебя столько же. Самые достойные пацаны у нас, других просто нет. И если мы воевать друг с другом будем, нас голыми руками возьмут... А чеченцы сюда рано или поздно придут, – для полноты картины сгустила краски Карина. – Сначала вас штабелями положат, потом нас... Или сначала нас, а потом вас... Или ты под чеченцев встать хочешь?

– Я?.. Под чеченцев?.. – протянул Косолап. – Ты гонишь?

– А может, тебе вообще барахолка не нужна? Зачем тебе этот геморрой? Там же менты, «любера», чечены, куда ни ткни, везде засада... А если еще блатные навалятся? Это посерьезнее будет.

– Да меня это не пугает, – замылся он.

– Не бояться только психи, – усмехнулась Карина. – Всем страшно.

– И тебе?

– И мне... Поэтому я к тебе и пришла. Если мы объединимся, бояться нам нечего. Полсотни бойцов – это реальная сила...

– Ну, в общем, да, – повелся Косолап.

– Тогда в чем проблемы?

– А кто рулить всем будет? – озадаченно поскреб он за ухом.

Карина знала, кто должен встать во главе всей поселковой братвы, но не рискнула об этом говорить. Замашки у нее мужские, но все-таки она женщина. А главное оружие женщины – красота, обаяние и хитрый ум.

– Ты будешь рулить своими, Шах будет рулить нашими. Делим поселок пополам и «дружим домами». Ты боксер, Шах боксер, а я ваш рефери. Если что не так, дам команду «брек» и разведу по углам... Подчиняться мне не надо. Но слушаться надо...

– Блин, и это говорит мне девчонка с ногами от ушей!

Карина высоко подняла правую бровь и ярко блеснула глазами. Да, именно такая девчонка и предлагает ему реальный вариант.

– Это говорит мне девчонка, от которой мурашки по коже! Блин, если бы я не знал тебя, Кара, то послал бы далеко-далеко... Но я тебя знаю! Ты не баба, ты огонь!.. Я же помню, как ты мне кастетом в глаз зарядила! – Косолап провел пальцем по старому шраму над правой бровью.

– Ну, мне тоже тогда досталось... – Она ладонью огладила волосы, под которыми скрывался шрам.

В той драке, о которой шла речь, она ударила Косолапа, а кто-то шарахнул ее арматурной по голове. Она тогда выползла из гущи боя... Давно это было, еще прошлой весной...

– Сколько мы дрались, а какой в этом толк? – вызывающе спросила она. – Дом культуры ваш? Так он нам и не нужен. Мы выросли из этих штанов. И вы тоже выросли. Поэтому наши маленькие штаны сшивать надо, чтобы одни большие получились, иначе совсем без штанов останемся...

– Ну, ты меня убедила...

– Тогда все решено.

Карина сказала то, в чем сомневалась. Она не обсуждала с Шахом свои планы, и, возможно, он пошлет ее куда подальше. Но сейчас ей никак нельзя было выказывать свои сомнения. Она повела игру, банк в котором мог сорвать только беззаветно уверенный в себе человек. Нельзя давать слабину, иначе Косолап усомнится в ней и не поведется на ее хитрую уловку.

– А как поселок делить будем?

– «Стрелка» завтра будет. В шесть вечера к «Подмосковью» подъезжай, я отдельный кабинет организую. Шах там будет, поговорим, обсудим все. Уверена, что никто никого не обидит.

– Ну, что ж, посмотрим.

– Нормально все будет. Если ты не подведешь.

– За меня будь спок.

– Тогда завтра с утра давай на рынок. Нам нужен большой шухер.

– Сделаем.

– Точно? Смотри, там менты...

– А когда мы ментов боялись? – пренебрежительно усмехнулся Косолап.

Только как-то неубедительно это у него вышло. Может, и не боялся он ментов, но опасения были. Одно дело привлекаться за драку и совсем другое – за погром на рынке, и он прекрасно это понимал. Но еще больше его привлекал сладковато-слезоточивый запах денег, и он готов был на многое ради них. На многое, если не на все...

Карина облегченно вздохнула, когда Косолап исчез из виду. С ним она договорилась, осталось только загнать в угол Шаха. Он крут, этот парень, очень крут, но Карина знает его наизусть, и в этом его слабость. Шах считает себя очень умным, но все равно сверху будет она, а не он. И Косолап никуда от нее не денется...

Глава 5

Страна вступала в эпоху рыночных отношений. Шмотки в свободной продаже – не надо за фарцовщиками бегать, достаточно на барахолку съездить. Только цены там не государственные, а самые что ни на есть рыночные. И с машинами та же ситуация. Госцена «девятки» – десять тысяч, но так это очередь отстоять надо, причем не один год. А если есть деньги, можно взять машину на рынке. Только уже не десять «штук» придется выложить, а все сорок...

Но с этих сорока тысяч продавец должен налог солидный заплатить, поэтому хитрят мужики. В купчей одну цену указывают, а на руки требуют другую.

– Держи, братан, здесь тридцать «штук», как договаривались. – Кобзарь, казалось, расцеловать готов был на радостях этого парня с лошадиным лицом и прохиндейскими глазками.

«Девятка» почти новая, восемьдесят девятого года выпуска. Красная, как пожар, – огнем на солнце отливает.

Продавец не один, с ним два крепких на вид парня, типа, охрана. Знакомых своих для прикрытия взял. Только эти ребята умирать за своего дружка не станут, разбегутся при первой же серьезной опасности, в чем Карина ничуть не сомневалась.

Но парень с лошадиным лицом верил в своих приятелей. Поэтому и взбрыкнул, не досчитавшись пятнадцати тысяч.

– Э-э, какие тридцать? Это пятнадцать «штук»! – взвыл он, с ненавистью глядя на Кобзаря.

– Как пятнадцать, если тридцать? – с праведным возмущением протянул тот. – «Штука» – это пятьсот «деревом». Пятнадцать тысяч – тридцать «штук». Что здесь непонятного?

– Какие пятьсот?! «Штука» – это тысяча!

– Да нет, тысяча – это «косарь»...

– Кого ты лечишь, урод? Кинуть меня хочешь?

– Кинуть?! Я?! Тебя?! Я двадцать пять «косарей» за твою тачку заплатил. Тебе что, мало, спекулянт ты хренов! Да мой дед в сорок первом таких козлов, как ты, к стенке ставил!

– На! Держи! – продавец швырнул пакет с деньгами под ноги Кобзарю. – Машина за мной остается!

Его дружки угрожающе выступили вперед, но Кобзарь даже не взглянул в их сторону.

– Эй, как это за тобой остается? А купля-продажа?

Договор на машину уже оформлен, деньги по нему продавцом получены, осталось только ключи забрать. И Кобзарь был уверен в том, что получит их.

– Плевать!

– А десять «косарей»?

– У меня останутся. Это штраф тебе за твою наглость!

– Штраф?! Ты что, кинул меня?

Это был знак, по которому братва выдвинулась к месту. Угрожающие размеры Панаса, Кряка и Пашана вогнали продавца в ступор. И его дружки попятились, но сзади их поджали еще трое бойцов.

– Я не гордый, – ухмыльнулся Кобзарь. – Я подниму. И себе заберу. – Он поднял с земли пакет с деньгами, передал их подошедшей Карине. – Все как ты сказал, морда. А тачка моя... Ключи сюда, ну!

– Хрен вам, а не ключи!

– Хрен тебе!

Кобзарь срубил продавца с правой руки. Он ударил так, чтобы выключить его, но не сломать при этом челюсть. По прямой в подбородок ударил. Полный нокаут. Как и предполагала Карина, дружки даже не попытались вмешаться. Кобзарь забрал у продавца ключи, забрался

в «девятку», завел двигатель. Карина села вперед, Панас и Кряк – назад. Пашан и еще трое бойцов остались с продавцом – подняться ему помогут, домой доставят, проследят, чтобы по пути он не заехал в отделение милиции. Пашан здоровый, как гора, и мозги у него совсем не такие маленькие, как у мыши. И голова хорошо работает, и язык подвешен, так что все будет в полном порядке. Время еще раннее, половина двенадцатого, до шести вечера они по-любому управятся и будут на месте.

Авторынок находился в тридцати километрах от Тяжмаша, дорогу Кобзарь знал хорошо, машиной управлял неплохо, поэтому через полчаса они уже были в поселке.

Кобзарь держал курс на подвал, где должен был находиться Шах. Ему не терпелось похвастаться перед ним более чем удачной покупкой. Законности все соблюдены, ментам придраться будет не к чему, а тридцать «штук», считай, сэкономлены. И опыт приобретен, что тоже немало важно. Ведь придется еще машины покупать: крутые пацаны пешком ходить не должны.

– Давай через «Пролетарку», – сказала Карина. – Думаю, Шах сейчас там...

По идее, Шах действительно должен был находиться на барахолке. Если, конечно, Косолап со своей братвой нанес удар.

Косолап не облажался. Пожалуй, даже превзошел ожидания. Словно смерч по рынку пронесся – столы перевернуты, стулья и скамейки раскиданы по всей территории. Покупатели разбежались, а барыги с баулами жмутся к забору. Самое смешное, что и ментов нигде не видно. То ли по углам разбежались, то ли «южан» преследуют.

Жаль, не успела Карина посмотреть, как барыги на коленях ползали, собирая разбросанный товар.

Шах со своей свитой о чем-то говорил с торгашами, весь всклоченный, красный от злости. Вряд ли его сейчас обрадует удачная сделка с машиной, потому Кобзарь ничего не сказал, когда они с Кариной подошли к нему.

– Эти уроды кровью умоются, понятно? – рычал Шах. – Мы их на куски!

Смотрелся он очень внушительно. И убедительно. Не человек, а взбешенный лев. Карина при всем своем желании не могла выглядеть так же грозно, как он. И, как бы она ни старалась, пацаны пойдут за ним, а не за ней, если их поставить перед конкретным выбором, шансов перед Шахом у нее практически нет. Все-таки правильно она сделала, что не сцепилась с ним в борьбе за власть.

Шах оставил в покое торгашей и повернулся к Кобзарю:

– Видал, что «южане» натворили? Валить их за это будем!

– Сильное решение, – кивнула Карина.

Только не стала говорить, что ей это решение не нравится. Зато ей нравился сам Шах. У спокойного моря приятно отдыхать, но гораздо интереснее смотреть на шторм, проникаясь и заряжаясь его стихийной энергией.

Только вот этот шторм с берега смыть может и утащить в самую пучину. Что, если Шаху не понравится ее самостоятельность с «южанами»? Что, если он ее предателем объявит? Тогда от нее даже Панас отвернется.

– Мы тачку взяли, пошли, покажу, – сдерживая ликование, сказал Кобзарь.

– Там и поговорим, – добавила Карина.

Шах сделал все как надо, теперь пора сматывать удочки. Вдруг менты навалятся? Да и торгашам нужно время, чтобы привести свою территорию в порядок, а заодно подумать, нужно им покровительство братвы или нет...

Шах на какое-то мгновение потерял дар речи, разглядывая машину.

– Круто! – наконец-то выдал он.

– Всего за десять «штук»! – похвастался Кобзарь. – Думали, лоха разводим, а он лохом в кубе оказался. Сам пятнадцать «штук» отдал...

– Не пятнадцать, а тридцать, – усмехнулась Карина.

- Ага, тридцать! – весело подхватил Кобзарь.
- Лохов учить надо, – нахмурил брови Шах. – Лохов учить, а с врагами – разбираться... Кара, ты правильно все сказала: с «южанами» надо наглухо все решать.
- А стволы у тебя есть, чтобы наглухо? – спросила она.
- Ты же говорила, что у тебя выход на человека есть...
- Ну, до шести вечера я точно не успею...
- Ничего, топоры возьмем, с топорами на «стрелку» пойдем.
- Против лома нет приема... А если «южане» тоже с ломом придут? Я так понимаю, они закусили удила, их теперь так просто не остановишь. Да и стволы у них есть...
- У них?! Стволы?! – озадачился Шах.
- Ну, точной уверенности нет, но все может быть...
- Думаешь?
- Я разговаривала вчера с Косолапом. Он долго запрягал, но ехать будет очень быстро, – ответила Карина.
- Ты разговаривала с Косолапом?!
- Да вот, пересеклись пути-дорожки... Я ему про чеченцев рассказала, про то, как эти ребята свои вопросы решают: если что не так, сразу стрелять. А у нас поселок богатый, как бы нам отбиваться не пришлось. Если не чеченцы, так долгопрудненские наедут. Сотня пехоты подъедет, что делать тогда будем, а? А если две?
- Это ты у меня спрашиваешь?
- Нет, это я у Косолапа спросила... И у тебя спрашиваю... Сейчас мы «южан» «мочить» пойдем. С их стороны десятков бойцов положим, сами с десятков потеряем, потом еще, пока друг друга не сожрем. Сами свой поселок для чеченцев зачистим...
- И что ты предлагаешь? – в напряженном раздумье спросил Шах.
- А я должна что-то предложить? – изобразила приятное удивление Карина.
- Ну, ты же с Косолапом говорила...
- Говорила. И предложила ему вариант. Он наезжает на «Пролетарку», мы даем ему «ответку». Торгаши видят нашу силу и платят без всяких нагоняев. За нашу защиту платят. А кто не будет платить, на того снова «южан» наедут. Вывезут за город и весь ливер отобьют...
- Так «южан» уже наехали на «Пролетарку»! – скривился Шах, возмущенно и с подозрением глядя на Карину.
- Наехали. Как я сказала, так и наехали.
- Ты сказала?!
- Я... Конечно, надо было тебя предупредить, но тогда ты не был бы таким злым, как сейчас. А ты натурально взбесился, так даже в кино не сыграешь. Ты неотразим в своем гневе, Шах!
- Хочешь сказать, что это была постановка?
- Уже сказала... А разбираться с «южанами» мы не будем. Слух пустим, что мы их в замес пустили... Ну а если кто-то из барыг платить не станет, мы на этих умников «южан» натравим... Все платить начнут! Четко! И на добровольных началах. А мы будем добровольно их защищать. Надо организовать общество добровольных дружинников. Торгашей туда примем, а они будут нам членские взносы платить...
- Членские взносы? Членские взносы – это хорошо, – проговорил себе под нос Шах. – А какой у «южан» с этого интерес?
- Мы поделим поселок пополам, проведем четкую границу. Они на своей территории королуют, мы – на своей.
- Это понятно, но я про барахолку спрашиваю?
- А барахолка будет общей. Завтра мы «снимем» с барыг и половину отдадим «южанам».
- Половину?! Ты с ума съехала?! – взбесился Шах.

Но Карина даже бровью не повела. Она собрала в кулак всю свою выдержку, чтобы казаться невозмутимой. Решающий момент надвигался на нее всей своей мощью и неотвратимостью, и она должна удержаться на ногах. Мало того, этот момент нужно еще и оседлать... Непросто это сделать, но она должна справиться...

– Половину с завтрашнего навара. А дальше – чисто по справедливости: кто рынок держит, тому шестьдесят процентов, кто помогает его держать – всего сорок. А рынок ты держать будешь... Я думаю, Косолап на это согласится.

– Ты думаешь? А он что думает? – обернувшись к ней, спросил Шах.

– Ну, ты же у «северян» старший, а Косолап «южанами» рулит. Ты – шишка, он – шишка, вы и решать должны. Сегодня в «Подмосковье» у вас «стрелка», за поляной поговорите, решите, как и что...

– Я?! С Косолапом за поляной?! Ты что, с дуба упала? – гаркнул Шах.

– Не надо на меня орать! – стараясь казаться невозмутимой, отрезала Карина. – Я не последний человек в нашей команде, а ты ведешь себя как дешевый баклан. Мне совсем не страшно. И Косолап тебя не испугается, если ты себя и с ним будешь так вести. Ты должен показать, что ты деловой человек. Поэтому я и забила встречу в ресторане...

– Это что, наезд был? – возмущенно спросил Шах.

– Как хочешь, так и понимай. И ситуацию как хочешь, так и понимай, – чеканила Карина. – Можешь Косолапа на хрен послать, твое право. Можешь пристрелить его прямо там. Ты у нас за старшего, тебе потом и расхлебывать...

– Мне расхлебывать?! А кто «стрелку» Косолапу забил?

– Я хочу как лучше. А ты можешь превратить нашу жизнь в дерьмо. Нам деньги нужно делать, а мы опять будем с «южанами» в кровь «мочиться». Только это будет уже другая кровь, трупы будут пачками выносить... У тебя много бойцов, чтобы их терять? А что мне твоей матери сказать, когда тебя «замочат»?

– Тебе?! Моей матери? – на мгновение растерялся Шах.

– А кто за тебя в ответе, если не я? Ты у нас за старшего, но кто-то же должен быть за тебя в ответе. Кому-то же надо будет за тебя спросить, если с тобой что-то случится...

– А если Косолап сегодня беспредел устроит? – спросил Кобзарь. – Если Шаха «замочит», ты за это ответишь?

– Отвечу. Я забила «стрелку», мне и отвечать... Тебе задание, брат. Мы с Шахом сейчас покатаемся, а ты давай в «Подмосковье» двигай. Это по-любому наша территория. Сделай так, чтобы официанты в струнку вытягивались, когда мы заходим...

– В струнку?! Ну да, дело нужное... Надо бы еще и охрану им поставить, но это государственная собственность... – вздохнул Кобзарь.

– Собственность государственная, – кивнула Карина, – а водку там из-под полы продают, по двадцать рублей за бутылку. Ты у директора спроси, зачем он это делает? Он тебе долю предложит, если хорошо спросишь...

– А я что, спрашивать не могу? – самодовольно ухмыльнулся Кобзарь.

– Вот мы с Шахом и посмотрим... И еще с охраной вопрос продумай. Найдешь пацанов, о которых Косолап не знает, нарядишь их под официантов, пусть ходят, смотрят, чтобы Косолап никого из своих в кабак не протащил... Я за Шаха отвечу, но и с тебя спрос будет. Ты меня понимаешь? – спросила Карина.

– Да я-то понимаю, – косо посмотрел на нее Кобзарь.

Понял он, что перехитрила его Карина. Но ведь он не стал возражать, когда она его направила в кабак. Значит, впрягся он в это дело, а раз так, то сдавать назад уже запахло. Если впрягся, то и отвечать за Шаха ему придется вместе с Кариной. И если он мог кого-то винить за такой расклад, то только самого себя...

Глава 6

Ставки сделаны, кости брошены. Барахолка на Пролетарской стала общей собственностью, но Косолап не возражал против схемы, которую предложила Карина. Рынок держат «северяне», они, если что, разбираются с ментами, отгоняют от него всяких «левых», поэтому львиная доля добычи принадлежит им. И даже не шестьдесят процентов, а все семьдесят. Она предложила такой вариант, и Косолап его принял. Значит, он признал ее власть над собой. Иначе как победой это не назовешь.

Шах понял, что Карина имеет большое влияние на Косолапа, проникся к ней еще большим уважением, поэтому не стал возражать против того, чтобы под Косолапа отошел поселковый хозмаг. Это государственная собственность, трогать ее опасно для свободы, но возле этого магазина гуртовались частные таксисты. Их было немного, машин пять-шесть, но все-таки это деньги. А кто держит точку, тот и снимает с таксистов дань. Само собой, это решение Шаху не понравилось, но Карина смогла подсластить пилюлю. Она уговорила Косолапа наехать на привокзальных таксистов, чтобы «северяне» затем одержали над ними громкую победу. Косолап согласился подыграть, причем безвозмездно. Тогда Карина от своего имени предложила сыграть в такую же игру с таксистами, которые паслись на автобусной станции. Это была территория «южан», и Косолап уже начал стричь шерсть с этих деляг...

Территория поделена, вопросы решены, теперь можно выпить за мир и дружбу. Карина сама подняла этот тост, и никто от него не отказался.

А после четвертой рюмки она предложила померяться силами:

– Боксерский зал во Дворце спорта арендуем. Женя, это твоя территория, поэтому организация за тобой. Давай послезавтра в десять утра. Ты своих бойцов приводишь, Игорь своих. По парам разобьем, пусть на ринге колотятся, а потом очки подсчитаем. У кого больше очков, у того «очко» крепче...

– У нас крепче! – оскалился Шах.

– Не говори «гоп», – ухмыльнулся Косолап.

– Вы тоже можете смахаться, – с невинным видом предложила Карина. И тут же уточнила: – Только потом, когда все разойдется. Чтобы никто не знал, кто выиграл, а кто проиграл...

– Так я его по-любому сделаю! – взвился Шах.

– А если он – тебя? Я не хочу, чтобы твой авторитет пострадал. Братва тебя уважать должна. И я тоже... Или тебе мое уважение не нужно?

– Нужно! Поэтому я насую Косолапу!

– Да нет, это ты огребешь!

Карина внимательно наблюдала за парнями. В них закипала спортивная злость, но при этом она не видела в них желаний убивать друг друга. Похоже, обоим вполне устраивало мирное сосуществование. И они уже признали в ней гаранта такого сосуществования. Что ж, все шло по плану, и это не могло не радовать.

– Не важно, кто кому из вас навалит, – сказала она, поднимая рюмку. – Главное, чтобы вы вместе смогли навалить любому. Мы должны быть одной командой. Это между нами кто-то «южак», а кто-то «северяк», а для всех мы должны быть «тяжмашами». И наезжать должны, как тяжелые машины...

– Как танки, – подсказал Шах.

– И кишки на гусеницы... Хорошо, будем «тяжмашами», – улынулся Косолап.

Они снова выпили, закусили. Карина не выдержала и закурила. Но Шах даже не покопился на нее. И это можно было рассматривать еще как один признак того, что он признал над собой ее власть.

– Я сейчас. – Карина поднялась из-за стола и с дымящейся сигаретой в руке вышла из кабинета в банкетный зал.

Сидевший за дверью Панас устремился было за ней, но она небрежным взмахом руки дала ему отбой – в туалет как-нибудь и без него ходит.

Сделав несколько шагов, она вдруг остановилась как вкопанная. В дальнем углу пустующего зала за столиком сидел капитан Кастальский. Все бы ничего, но в компании с ним Карина увидела красивую худенькую блондинку с грудью четвертого размера. Волосы распущены, губы ярко накрашены, короткая юбка, ноги стройные, длинные... Эта белокурая дива влюбленно смотрела на Кастальского, и он, похоже, млеет от удовольствия.

Ну, не было в нем ничего такого, кроме внешней смазливости. Ну, не крутой он, даже не жесткий. Не нравились ей такие парни, но почему сердце бешено заколотилось в груди? Почему ревность схватила за горло?..

Зато она здесь самая крутая. И здесь, в ресторане, и во всем поселке. Ей не нужен повод, чтобы подойти к Кастальскому, она здесь хозяйка положения, и ее слово – закон для всех... И все-таки повод есть. Даже два. Во-первых, Кастальский – мент, а во-вторых, ресторан закрыт на спецобслуживание, посторонних сюда в этот вечер не впускали. Вот Карина и хотела выяснить, как Кастальский сюда попал. Если он мент из местного РОВД, то можно будет предложить ему сотрудничество.

– Ну здравствуй, капитан, – даже не взглянув на блондинку, с кокетливым ехидством проговорила она и, отодвинув стул, села. – Узнаешь?

– Узнаю, – кивнул он.

– Антон, кто это? – возмущенно спросила блондинка.

– Старая знакомая, – ответила за него Карина.

– Антон, а ты приглашал сюда свою старую знакомую?

– А меня не надо приглашать, я сама знаю, что мне делать... – Карина взглядом окинула стол. – Хорошо живешь, капитан.

«Поляна» действительно заслуживала внимания – икра, осетрина, коньяк. И костюм у Антона отличный – из дорогой материи, превосходно пошит.

– Ментам зарплату подняли?

Был у нее повод для разговора с ним. Карина хотела, чтобы он работал на нее, добывал ценную информацию, которую приносил бы ей на тайную квартиру...

– Я не мент, – покачал головой Кастальский.

– Не мент? – удивленно повела она бровью и, глянув на блондинку, язвительно спросила: – Может, я выдала твою тайну? У нее что, папа – вор в законе?

– Нет, у Анны папа – инженер на заводе, – ответил Антон.

Он держался вроде бы невозмутимо, но его недовольство все-таки просачивалось наружу. Нравились ему Карина или нет, но ее компания тяготила капитана. Он хотел остаться со своей девушкой наедине... Но эта мысль только еще больше раззадорила Карину:

– А чего тогда скрываешь?

– Я не скрываю, – скупно улыбнулся он и полез во внутренний карман пиджака. Достал оттуда корочки, развернул их и поднес Карине к глазам: – Капитан Кастальский!

Но это было не ментовское удостоверение, Карина разглядела студенческий билет. Кастальский Антон Иннокентьевич, студент Московского института народного хозяйства имени... Имени кого, Карина не успела прочитать. Но это и не важно.

– Так ты студент?

– А это плохо? – холодно спросил он.

– Я не говорила, что плохо... А почему ты представился ментом?

– Мне надо было сказать, что я студент?

– А я еще думаю, такой молодой, а уже капитан...

- Лейтенанта могло бы и не хватить.
- Пожалуй.
- Э-э... Мы не успели познакомиться.
- Карина. Меня зовут Карина.
- Карина, только без обид... Мы с Анной хотели бы поужинать в спокойной обстановке.
- Без меня? – возмутилась Карина.
- Без тебя.
- И ничего, что я обижусь?
- Какие могут быть обиды?
- А если я поговорить с тобой хочу?
- Сейчас не время...

– Время... Здесь мое время, студент, – раздраженно засмеялась Карина. Обида душила ее, не давая покоя. Не вопрос, Анна – красивая девчонка, но разве она может сравниться со знаменитой Карой, самой крутой женщиной в Тяжмаше? Да что там женщина... Она вообще здесь самая крутая. – И если ты не знаешь, ресторан закрыт за спецобслуживание. Здесь братва гуляет.

- Ну, видел я крепких ребят, и что?
- А то, что эти ребята весь поселок держат.
- Я рад за них.
- Кто тебя сюда впустил? Эй, иди сюда! – Карина щелкнула пальцем, подзывая к себе официантку.

Полнотелая женщина утиной походкой неторопливо подошла к ней.

- Директора сюда давай!
- А кто его просит?
- Ты что, дура? Кара его просит!
- Он занят...

– Твою мать! – Карина взбешенно сорвалась со своего места, схватила женщину за грудки, но тут же опомнилась и разжала руки. – Пошла отсюда! – прогнала она официантку и обескураженно посмотрела на Антона: – Глупо как-то получилось...

Действительно, ситуация – не позавидуешь. На директора наезжал Кобзарь, но саму Карину здесь никто не знал, поэтому официантка не восприняла ее всерьез. И в общем зале никого нет, вся братва в банкетном. Ресторан был устроен так, что два отдельных кабинета выходили не в общий, а в банкетный зал. Авторитеты собрались в кабинете, а братва ждала их за дверью. Ждала за сервированными столиками. Там тоже водку пьют, и никому нет дела до Карины. А идти к ним, требовать к себе внимания не хотелось, она и без того дала лишку.

- Да нет, нормально все, – чисто из вежливости попытался успокоить ее Антон.
- Да пошел ты!

Не будет она больше унижаться перед этим студентом. И директора ресторана наказывать не станет. Сейчас она пойдет в кабинет к Шаху и Косолапу выпьет с ними за мир и дружбу... Возможно, домой уедет вместе с Шахом. А что, парень он видный, к тому же давно ее добивается...

Карина вернулась в кабинет, выпила раз, другой. Но домой уехала одна. Нельзя спать с теми, над кем собираешься властвовать. Авторитет зарабатывают силой своего характера...

А вот с Антоном она бы уехала. Но, увы, он покинул ресторан вместе со своей подругой. Посылать за ними «хвост» Карина не стала – не желала она переступить через свою гордость.

Глава 7

Бытие определяет сознание. Это Карина узнала еще в школе, из курса обществоведения. А само бытие определяется количеством денег. До этой мудрости она дошла своим умом. С деньгами у нее пока без проблем, поэтому она смогла позволить себе снять двухкомнатную квартиру в своем районе – с хорошим ремонтом и полноценной обстановкой.

С родителями Карина жить не хотела. Не любила она их, и они сами были в том виноваты. Отец почему-то считал, что мать нагуляла ее на стороне, поэтому относился к дочери с подчеркнутым безразличием. Он ни разу не ударил ее, никогда не повышал голос, но убивал своим равнодушием. А потом мама родила Костика, и Карина совсем перестала для него существовать. Потому и росла на улице, что в отчем доме ей холодно было. Отца она не любила, а мать презирала за слабость: в угоду мужу та относилась к Карине с такой же холодностью, как и он. А ведь она была виновата в том, что родила дочь от кого-то другого. Если так оно было на самом деле. Жену отец простил, а Карину – нет. Ну и пошел он к черту!..

Теперь у нее своя квартира, и ей вовсе не обязательно ночевать в подвале, как она иногда это делала. Родителям на нее наплевать, они только рады от нее избавиться. Что ж, и она рада отказать от них...

Раньше после тренировки Карина отдыхала в подвале, а сейчас приходила сюда, принимала душ, выпивала чашечку кофе, и так хорошо ей здесь было, что уходить не хотелось. Так и лежала бы сейчас на диване, но нет, в дверь звонят. Это условный звонок, Шах к ней пожаловал. «Священная корова» пришла...

А ведь у нее есть право на отдых. Вчера она со своей командой такое дело сделала, что дух до сих пор захватывало. Мало того, что партию стволов смогли раздобыть, так еще на ментов по пути нарвались. От погони пришлось уходить. Страшно представить, что было бы, попадись они ментам в лапы. Четыре автомата у них в багажнике вчера было, одиннадцать пистолетов «ТТ», цинки с патронами. Но менты – ладно, это уже дело прошлое, а вот стволы – это билет в будущее. Во-первых, без серьезного оружия в современном мире не выжить, а во-вторых, Шах бы не смог раздобыть такой арсенал. Мало посредника найти, надо еще его доверие завоевать – без этого на сделку не выйдешь. А еще в процессе можно и пулю схлопотать. Но у Карины все получилось, поэтому ее и без того немалый авторитет поднялся на еще большую высоту. Теперь Шах точно знает, что без нее он как без рук.

– Здорово, сестренка! – поздоровался Шах весело, только вид у него какой-то озабоченный.

– Случилось что? – подозрительно посмотрела на него Карина.

Она ведь могла повторить сделку с оружием, и Шах опасался, как бы она не сделала это для Косолапа. «Северяне» с «южанами» больше не враждовали, но и в одну команду еще не объединились. Поэтому Шах воспринимал Косолапа, как своего конкурента, и Карина, хорошо его понимая, ждала, что Шах попросит ее не помогать «южан».

– На «Пролетарку» наехали, – выдохнул Шах.

– Кто, «южане»?

– Да нет, блатота залетная...

– Блатота? А почему залетная?

– Да потому что не наши это... Наши спокойные, а эти... Там такие рожи!.. – Шах взволнованно приложил ладони к щекам и развел их в стороны. – Мы в кафе сидели, а они подошли, старшего спросили... Там с ним три амбала были. Немолодые уже. Рожи страшные, а глаза холодные-холодные, убийц с такими глазами в кино показывают... Этот улыбался, но и у него взгляд ледяной...

– Кто, «этот»?

– Ну, авторитет ихний... Я, говорит, еще не в законе, но уже на положении. А по нему видно, что за ним не одна ходка. Пальцы все в перстнях, ну, татуировки... И эти, в свите которые с ним, тоже в наколках...

– Я смотрю, тебя эти наколки испугали, – усмехнулась Карина.

– Испугали? Да нет, не испугали, – еще больше разволновался Шах.

– А чего тогда колотишься?

– Я колочусь? Да нет, не колочусь я... Ну, есть мандраж немного...

Карина достала из холодильника бутылку водки, налила Шаху в стакан:

– Пей.

– Э-э, у меня режим.

– Пей, говорю!

Шах кивнул, в три глотка осушил стакан, выдохнул и с благодарностью смахнул с руки половинку свежего помидора.

– Полегчало? – строго спросила она.

– Да мне и так нормально было.

– Значит, полегчало... Как его зовут, этого, который на положении?

– Да не важно...

– Как зовут?

Карину не очень интересовало, как зовут блатного авторитета, но если она задала вопрос, то должна получить ответ.

– Сухарь его зовут.

– И чего он хочет?

– Иметь с нас хочет. Сказал, что если мы «снимаем» с барыг деньги, то должны отстегивать на воровской «общак». Три дня нам на раздумье дал...

– А чего он раньше не появлялся?

– Так с барыг никто не «снял».

– Ну, сам бы и «снял», если такой умный.

– Ну, я не знаю... Он сказал, что у нас очень большие проблемы будут, если мы откажемся.

– Сказать все, что угодно, можно.

– Я тоже так думаю, только он очень сильно это сказал. За ним, говорит, большие люди стоят, все они в законе, и «общак» у них большой. Если мы не будем в этот «общак» отстегивать, то нас на разбор поставят. А это все, это хана. На пику в темном углу насадят, и все дела...

– Тебе страшно?

– Мне страшно?! Да нет, не страшно, – дребезжащим от натуги голосом проговорил Шах. – Просто я знаю, что с блатными связываться опасно. Ну, если это настоящие блатные...

– А бывают не настоящие?

– Ну, бывает шушера всякая, типа Коли Клопа...

– Ну да, – кивнула Карина.

Жил у них в доме алкаш, три года отмотавший на зоне за кражу. Весь в наколках, пальцы веером, понты коромыслом, только никто его всерьез не воспринимал. Были уголовники посерьезнее, а этот только воровал и никакой реальной силы не представлял. Даже дворовая шпана его всерьез не воспринимала. Пацанам с улицы больше по душе романтика, которую могло предложить им «северное братство». Это теперь не просто команда, но и реальные деньги, а значит, красивая жизнь.

– Этот Сухарь слов на ветер не бросает...

– И сколько он просит?

– Тридцать процентов.

– А репа не треснет?

– Да надо бы...

– Так в чем же дело? Забейся с ним на разбор, стволы у тебя есть. Положишь всех штабелями, какие проблемы?

– Ты не понимаешь. Положить блатных не проблема, – неуверенно произнес Шах, – только этим вопрос не решить. Сухарь, он ведь не один, за ним реальные люди, за ним система. Если с ним что-то случится, нас объявят гадами и будут конкретно «мочить»...

– Волков бояться – в лес не ходить... На Косолапа наезжали?

– Я не в курсе. Может, ты знаешь?

– Узнаю. Прямо сейчас пойду... Слушай, а почему я пехом ходить должна? Ты себе тачку взял, Кобзарь на «девятке» рассекает, а я что, лысая?

– Э-э... – замялся Шах.

– Что такое? Рылом не вышла?

– Ну, ты же не только с нами, ты и с Косолапом...

– То есть я отрезанный ломоть?

– Ну...

– Ладно, решим проблемы с блатными, разберемся. Поеду с Косолапом перетру, потом вместе соберемся, порешаем проблемы... Или не надо собираться?

– Надо. Раз уж ты посредник между нами...

– Посредник? Между тобой и Косолапом?

– А разве нет?

– Ну, будет видно...

Карина претендовала на большее, чем просто посредник между двумя бойцовскими командами, и если Шах этого не понимает, то придется ему это объяснить. Но сначала надо решить вопрос с блатными.

– Ты мне лучше скажи, как этого Сухаря найти?

– Ну, он где-то в Подвойске обитает. Оттуда приехал.

– Значит, оттуда он за районом «смотрит»?

– Оттуда.

– И через три дня ты ему ответ должен дать?

– Да, через три дня подъедет.

– Куда? Где у вас «стрелка»?

– Он сказал, что сам нас найдет. Может, через три дня подъедет, может, через десять.

Главное, чтобы ответ к этому времени был готов. Ну, и деньги...

– А как он проценты собирает считать? Откуда он знает, сколько мы «снимаем»?

– Сказал, что ему все известно.

– А конкретно сказал, сколько и с кого?

– Конкретно не сказал.

– Значит, понты прогнал. На пушку берет... Ладно, будем разбираться...

Как только Шах покинул ее квартиру, Карина вызвала к себе Артура, бойца из «северного братства», который с недавних пор работал только на нее. Улик с ним и Треха. Эти двое даже в братстве не состояли, но когда-то очень хотели туда попасть. Физической мощи этим ребятам не хватало, чтобы биться с «южанами» на равных, зато с головой все в порядке. Это троица под началом Артура с ног сбивалась, собирая нужную Карине информацию, и у них очень здорово получалось находить всякого рода барыг, живущих на «левые» доходы. Карина подсказала им самый простой способ – взять в оборот директора продмага или его заместителя, надавить, запугать, и они сами расскажут, кто у них затаривается дефицитом в обход общего зала. И список дадут, и прокомментируют, кто чем занимается. А еще от купленного мента Карина узнала немало интересного. Только в последнее время она ни с кем не делилась этой информацией. У нее теперь своя команда. Помимо Артура, Улика и Трехи, на нее работали Панас и Валерьян.

Если вдруг она не сможет объединить под себя «южан» и «северян», а так и останется посредником между ними, ее люди сами наедут на барыг и обложат их данью. Надо же ей, в конце концов, на что-то содержать свою команду, а то как-то нехорошо получается: люди работают – важную информацию собирают, ментов окучивают, оружие для братвы добывают, а ходят при этом пешком. У «северного братства» уже пять тачек на балансе, а у Карины – ни одной. Даже самые верные псы могут отказаться от хозяина, если их не кормить. Пока что у нее есть деньги, но Шах уже близко подошел к тому, чтобы перекрыть источник финансирования.

Но про барыг сейчас лучше не думать. Надо найти Сухаря до истечения трех дней. Это раз. Навести о нем справки, узнать, действительно ли он такой крутой, каким прикинулся, вдруг шелупонь какая-то, а не «смотрящий». Это два. И третье – надо найти человека, который сможет «исполнить» вора. Есть у Карины на примете один кадр. С приветом парень, на учете в психдиспансере состоит, ему человека убить в радость будет. Пацаны выведут его на цель, дадут в руки ствол, и он сделает дело... Опасное это дело, очень опасное, но Карина за него возьмется. Если, конечно, Шах и Косолап согласятся с ее планом. Она сама все организует, и это даст ей полное право объединить «северян» и «южан» под своим началом...

Планов у нее много, и все они очень опасные. Но что делать, если ей нравится рисковать? Что, если другая жизнь ей просто неинтересна? Главное, чтобы удача не споткнулась и не выбросила ее из седла...

Глава 8

После обстоятельного разговора с Артуром Карина собралась ехать к Косолапу, но тот сам пожаловал к ней. Она уже открывала дверь, когда он появился. Именно в это время она увидела и Антона. Косолап поднимался к ней по лестнице, а он спускался вниз. Карина обомлела, глядя на него и забыв о Косолапе. Не человек он, этот Кастальский, а просто наваждение.

Косолап сам напомнил о себе. Подошел к ней, слегка коснулся талии, поцеловал в щеку. Антон ничуть не изменился в лице при виде их, но во взгляде промелькнула ироничная искра.

Уж не принимает ли он ее за проститутку?.. Эта мысль вспыхнула в сознании, краской заливая лицо. Но случилось это уже после того, как она закрыла дверь, впустив Косолапа в квартиру. Антон уже, наверное, вышел из подъезда. Но не станет же она бежать к окну, чтобы посмотреть на него? И не побежит за ним...

– Эй, Кара, ты чего? – помахал рукой перед ее лицом Косолап.

– Что – чего?

– Ты где?

– Здесь я... Я так понимаю, проблемы у тебя? – спросила она, силой воли успокаивая брожение в мыслях.

– Ну да, проблемы.

– Сухарь наехал?

– Сухарь.

– И что, ты согласен платить?

– Ну, пока не знаю... Сначала надо Сухаря этого пробить: кто он такой, с чем его едят.

– Хорошо, я решу этот вопрос.

– Ты решишь? – взбодрился Косолап.

Разведка – дело тонкое, не всякому она под силу. Может, и нет у него людей, способных пробить Сухаря, а Артуру с его командой это под силу. Он ведь и на подвойских ментов не побрезгует выйти, чтобы раздобыть информацию. Правда, на это уйдут последние деньги, но Карина ничего не будет просить у Косолапа, как-нибудь сама выкрутится. Зато потом, уже с новой для себя высоты, предъявит ему полный счет...

– Ну, если ты хочешь...

– А разве мы не одним делом занимаемся? – ловко повернул он.

– Одним, – не могла не согласиться Карина.

– Мы должны помогать друг другу.

– Не просто помогать, мы должны жить этим одним делом. И если какой-то Сухарь наехал на тебя, значит, он наехал и на меня. Наехал на Шаха – значит, тоже наехал на меня. Сухарь наехал на вас обоих – разве я могу оставаться в стороне?

– Да, но что ты можешь сделать?

– А что нужно?

– Ну, Сухаря пробить – этого мало.

– Если тебе нужны стволы, я могу решить эту проблему.

– Да, стволы мне нужны, – кивнул Косолап.

– Будут. Цену мы обговорим... Только я не думаю, что стволы тебе помогут. Я так понимаю, «стрелок» с Сухарем не будет. Он уже поставил вопрос, и теперь ему нужен ответ. Да – да, нет – нет... Если нет, тебя поставят на понятия без всяких «стрелок». Нож под ребро – и привет...

– Ну, это еще постараться надо, у меня охрана, – заметно занервничал Косолап.

– У блатных не только ножи, они с тобой из автомата решить могут. Подъедут и уложат со всей твоей охраной...

– А если мы их уложим?

– Мне нравится ход твоих мыслей, – хищно усмехнулась Карина.

– А мне как-то не очень, – пожал плечами Косолап. – Если за Сухарем стоят реально серьезные люди, то нас потом в покое не оставят...

– Понятно. И тебе страшно. И Шаху страшно. Лучше отстегивать тридцать процентов и жить спокойно, чем получать все, но бояться каждого шороха за спиной... Я вас понимаю. Только платить вы никому не должны.

– Ну, а если...

– Давай без «если»! – жестко оборвала Косолапа Карина. – Я пробую Сухаря, а потом мы будем решать, что нам всем делать. Если Сухарь – фуфло, пошлем его куда подальше, если нет – будем решать. И с ним решать, и вообще...

Косолап не стал задерживаться у нее. Карина проводила его в прихожую, но не сразу закрыла за ним дверь. Он спускался вниз, а навстречу ему кто-то поднимался. Что, если это Антон?..

И точно, это был он. Она стояла в дверях, а он поднимался по ступенькам с пакетом в руке и смотрел на нее с ироничной невозмутимостью.

– Чего смотришь? – обозленно спросила она.

– Во-первых, здравствуй, – небрежно улыбнулся он.

Все бы ничего, но Антон прошел мимо нее, лишь слегка замедлив ход. И собирался продолжить путь, не останавливаясь, что окончательно взбесило Карину.

– Стоять! – Она шагнула к нему и схватила за рукав.

– Стою. – Он пристально посмотрел ей в глаза, и в его взгляде не было раздраженности, но и приветливости в них она не увидела.

– Ты чего здесь ходишь?

– Я живу здесь. На пятом этаже.

– Один живешь?

– Нет, с мамой. А что?

– Не верю.

– Почему?

– Потому что скрипку не слышу.

Карина чувствовала себя неловко. Как ни крути, она сама навязывалась Антону, а иначе, как унижением, это не назовешь. Но она не привыкла унижаться, поэтому и появилось желание позлить его.

– Скрипку?

– Такой «ботаник», как ты, обязан играть на скрипке.

– Я «ботаник»? – как-то не очень обиделся он.

– А разве нет?

– Ну, если ты так думаешь...

– Хочешь со мной поговорить?

– Я?! С тобой?!.. Ну, мне вообще-то домой надо...

– Мамочка ждет? Сопли сынку утереть?

– Чего ты хочешь? – нахмурился Антон.

– Не хочу, чтобы со мной в подъезде «ботаник» жил.

– Ты можешь переехать.

– Да нет, лучше я тебя перевоспитаю...

Она вдруг схватила его за грудки, резко потянула на себя, разворачиваясь вокруг оси, и втокнула парня в распахнутую дверь. Антон вместе с ковровой дорожкой проехался по скользкому линолеумному полу, но на ногах устоял, даже пакет из рук не выронил.

– И как это называется? – с легкой иронией спросил он.

– Похищение «ботаника», – усмехнулась Карина, закрывая за собой дверь.

– Ты начинаешь мне нравиться, – усмехнулся Антон и, оправив помятую рубашку, без приглашения зашел в гостиную, сел на диван, поставив пакет под ноги. – А так я тебе нравлюсь?

– Терпеть не могу «ботаников».

– Я не «ботаник».

– Кофе будешь?

– Мне домой нужно.

– Ну вот, а говоришь, что не «ботаник»...

– Хорошо, я сейчас приду. Я так понимаю, ты о чем-то хочешь со мной поговорить.

– Да, есть желание...

Антон ушел, а Карина, смеясь и высоко вскинув голову, отправилась на кухню. Поставила на стол бутылку коньяка, пару рюмок. И за сервелатом в холодильник полезла...

Антон вернулся минут через двадцать. К этому времени она и стол успела накрыть, и переодеться, и макияж освежить.

– Выпьем? – спросила она, показав на журнальный столик в гостиной, на котором стояла бутылка коньяка, а на тарелке лежала лимонная и колбасная нарезка.

– Ну-у...

– Не бойся, это бесплатно...

– Да нет, у меня есть деньги.

– Ты идиот? – улыбнулась Карина. – Юмора не понимаешь? Или ты реально думаешь, что я проститутка?

– Я так думаю? – удивился Антон.

– А разве нет? Что ты подумал обо мне там, в ресторане. Братва, девочки, пьянки, гулянки... Пьяная девочка подкатилась к тебе, да?

– Ну, не пьяная.

– И здесь к этой девочке ходят всякие, да?

– Ну да, видел двоих...

– Даже двоих? А их тут больше было. Шах был. Косолап был. Знаешь, кто это такие? – Карина под села к Антону на диван, одной рукой игриво обняла его за плечи, другой – разлила коньяк по рюмкам.

– Зачем это мне знать? Я же «ботаник», – усмехнулся он. Но руку ее со своего плеча не снял.

– Да нет, не «ботаник» ты. Просто ботва. Есть братва, а есть ботва... В институте вас такому не учат?

– Нет, не учат.

– Ничего, жизнь научит...

– Ну да, жизнь – самый лучший учитель, – кивнул он. – С этим не поспоришь.

– Ты – ботва, я – братва. За это и выпьем.

– Ты – братва?

– Поселок у нас на две половины разбит. Шах держит одну половину, Косолап другую. А я держу их обоих.

– В смысле, держишь?

– Сегодня блатные на них наехали. Куда они пошли? Ко мне. Сначала один пришел поплакаться, потом другой...

– Блатные наехали?

- Тебе это знать необязательно, – осеклась Карина. – Тебя это не касается.
- Хочешь сказать, что братва обращается к тебе за советом?
- И за советом, и за ценными указаниями. Они мне подчиняются, – слегка преувеличила

Карина.

– Если так, то ты самая крутая в поселке, – с сомнением посмотрел на нее Антон.

– Первый парень на деревне...

– Но ты же не парень.

– Ну почему же? Когда на пустырях махалась, парнем была. И когда таксистов строила... Ты помнишь урода, который на меня на станции наехал? Избила я его потом, очень сильно избила. А таксисты нам теперь платят. И таксисты, и торгаши на барахолке, и с «видюшников» копейка капает... Вот и скажи мне, кто я – баба или мужик?

– Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик, – сдавленно улыбнулся Антон.

– Вот-вот...

– Я даже не знаю, как мне быть, – озадачился он. – Если ты мужик, то я кто?

– Не забивайся. – Карина сама придумала эту игру, и раз уж Антон ее поддержал, то в самый раз распускать паруса. – Ты очень классный парень. И ты мне нравишься... Я еще никогда никого не добивалась сама. Всегда добивались меня. Не веришь?

– Верю, – не задумываясь, ответил он. – Ты красивая. Такие женщины нравятся мужчинам. Думаешь, почему я тогда, на станции, вступился за тебя?

– Э-э, ну да, ты вступился... А я послала тебя далеко-далеко. Невежливо... Извини.

– За что? За то, что послала?

– Да нет, за то, что веду себя как дура... Просто ты нравишься мне. Очень нравишься...

– Ты правда ведешь себя глупо, – совсем не оскорбительно улыбнулся Антон. – Но мне нравится, как ты себя ведешь. И сама ты мне нравишься... – И вдруг привлек ее к себе и поцеловал в губы.

Карина не смогла его оттолкнуть. Голова вдруг пошла кругом, как будто через этот поцелуй в кровь впитался сразу литр вина. Руки и ноги приятно онемели, нервы томительно завибрировали, низ живота налился волнительной тяжестью. Где-то внутри образовался горячий вакуум, который заполнить мог только Антон...

А он не торопился, распаяя в ней страсть. Руки у него ласковые, нежные и вместе с тем сильные, уверенные. Она готова была умереть в жарких объятиях Антона, если он вдруг остановится. Но он не останавливался. В момент кульминации из груди ее вырвался громкий протяжный стон. И плевать, если его услышит вся улица. Это совсем не стыдно – принимать в себя желанного мужчину. Единственного желанного мужчину. Другого больше не будет, Карина точно знала это...

Глава 9

Когда они сидели на кухне – Антон вдруг захотел есть, сам себе сделал омлет и сейчас с аппетитом уминал его, – Карина, с нежностью глядя на него, неожиданно произнесла:

- Зря ты это сделал.
- Что сделал? – не понял он.
- Совратил меня... Теперь ты обязан на мне жениться.
- Это интересно, – иронично усмехнулся Антон.
- Ты можешь бросить свою Аньку. Но меня бросить не можешь.
- Почему?
- Потому что я тебя убью.
- Ты это серьезно?
- Серьезней не бывает. Я тебя люблю. И требую к себе того же.
- Требуешь?
- Требую.
- Мужчину нельзя удержать силой, – покачал он головой.
- Можно. Если очень любишь, то можно... А ты что, собираешься от меня удрать?
- Ты же мафия, ты же из-под земли достанешь, – вроде бы в шутку, но с серьезным

выражением лица ответил Антон.

- Достану.
- Спасибо.
- За что? – удивилась Карина.

– Пока еще не за что... Я сам хочу, чтобы кто-нибудь меня удержал. Надоело болтаться от берега к берегу... Знаешь, как в песне: «обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». И со мной та же песня, в том смысле, что удержать меня не трудно...

- Ты сам удерживаться рад?
- Что-то в этом роде... Надеюсь, на цепь ты меня не посадишь?
- Нет... Ты правда останешься со мной?
- Ну, если ты настаиваешь...
- А если бы не настаивала?
- Ешь! – Антон провел вилкой над ее половиной сковородки.
- Сейчас, только докурю... Э-э, тебе дым не мешает? – спохватилась она.
- Мешает. Но я привык. В камере всегда так накурено, что хоть топор вешай.
- В камере? В какой камере?
- В тюремной, – как о чем-то само собой разумеющемся, ответил он.
- Ты что, сидел?
- Да, четыре года отмотал...
- За что?!
- За кражу. Хату выставил.
- Хату?! Выставил?! Ты что, серьезно?
- Абсолютно!
- Четыре года?... За кражу?... По тебе не скажешь... И татуировок у тебя нет...
- Татуировки «блатняк» выкальвает, а я просто вором был. Мне особые приметы не

нужны.

- Вором был?
- Да, квартиры чистил.
- Зачем?
- Деньги нужны были.

- А институт? Это что, липа?
- Почему липа? Отсидел, поступил, осенью четвертый курс начну.
- А сколько тебе лет?
- Двадцать шесть.
- Я тебе не верю.
- Почему?
- Не выглядишь ты на двадцать шесть, намного моложе кажешься. А если ты сидел, то не можешь выглядеть моложе своих лет. Не похож ты на уголовника...
- А это каждый сам для себя решает, быть ему похожим на уголовника или нет. Я решил, что мне это не нужно. Я работаю тонко, мне уголовный антураж ни к чему.
- Ты работаешь?
- Да, иногда. Редко, но метко. Без жаргона и татуировок, – снисходительно улыбнулся Антон.
- А институт зачем?
- А что мне, по-твоему, по «малинам» шататься? Мне это неинтересно. Мне больше нормальная жизнь нравится.
- А блатным быть – это не нормально?
- Блатной блатному рознь. Есть люди, а есть «бакланы». «Бакланов» больше. Эти крыльями по жизни машут, а на выходе – одно дерьмо. Бывает, что и реальные люди ведут себя как «бакланы», но это их проблемы, меня они не касаются. Я живу как живу. С мамой живу, учусь, решаю проблемы с финансами.
- Точно с мамой живешь?
- Проблемы у нее со здоровьем. Лекарства дорогие нужны... Только не подумай, что я из-за этого воровать начал. Я тогда с отцом жил, с пацаном одним познакомился. Я в четырнадцать лет маленьким был, в любую форточку залезть мог. Сначала через форточки, потом все остальное... А в шестнадцать лет меня с поличным взяли. Следствие, суд, этап, все такое. Сначала «малолетка», потом на взрослую зону отправили... Вышел, вернулся домой, а отца уже нет, квартиру забрали. Мама к себе позвала... У нас с ней не все гладко было, но все-таки она мне мать... Вот и в институт поступил...
- С судимостью?
- Ну, если очень захотеть, то можно и с судимостью... Я ведь в школе отличником был. Меня даже за «ботаника» держали...
- Обижали?
- Нет. Не знаю почему, но я умею находить язык с людьми, – без всякого хвастовства сказал Антон.
- Верю... Не простой ты. С виду простой, а есть в тебе что-то такое... – Раз Антон затронул воровскую тему, Карина не могла удержаться от вопроса: – Ты Сухаря знаешь?
- Не знаю такого, – покачал головой Антон.
- Он за Подвойском «смотрит».
- Про Подвойск знаю, а про Сухаря – нет... Чего он хочет?
- «Общак» у него, хочет, чтобы мы туда отстегивали.
- «Общак» не у него, а у тех, кто его на Подвойск поставил... А может, и свой «общак» быть, если он сам себя на район поставил. Такое бывает. Тут главное – реальный авторитет. И еще смотреть надо, куда деньги уходят. Если на «обогрев» лагерей, тогда все правильно, если чисто на себя, то это уже крысятничество, за это убивают...
- А кто смотреть за этим будет?
- Ну, те, кто его на Подвойск поставил. Вряд ли он сам по себе. Хотя всякое может быть.
- Куда, говоришь, деньги уходят?
- На «обогрев» лагерных зон. Или просто на «грев».

– Ну да, – усмехнулась Карина.

– Зря ты улыбаешься, – с упреком посмотрел на нее Антон. – На самом деле все очень серьезно.

– Не верю я в доброту воров.

– Это не доброта, это инстинкт самосохранения. Если у воров не будет влияния в зонах, то и здесь, на воле, у них не будет власти. А власть на воле – это деньги. Большие деньги. Такой вот замкнутый круг. На воле деньги зарабатываются, чтобы удержать власть в зоне...

– А без денег никак?

– Что бы кто чего ни говорил, а реальная власть в зоне у ментов. Если ментов не подмазывать, они быстро воровскую вольницу свернут. И никакие бунты не помогут, потому что зэков на бунт без подогрева не поднять. Водка для этого нужна, наркота... Есть воры, которые могут поднять все на авторитете, но таких мало. В основном все на деньгах держится – ментов подмазать, себя потешить. Настоящий вор должен жить кучеряво, ну, в пределах закона. Воровского закона. Там все строго, но развернуться можно... Ну и мужиков иногда подкормить надо, чтобы с голоду не пухли. Бывает и такое, что пайку так срежут, что хоть зубы на полку. А еще мужикам подмазывать надо, чтобы они за воров план давали. Настоящему вору работать нельзя, а не всякий мужик за него пахать захочет... В общем, деньги на «обогрев» зоны нужны. Да и на воле деньги нужны, братву кормить надо. Опять же, если кого-то из своих закрыли, ему в зоне помогут. На те самые «шиши» и помогут, которые с вас хотят снять. И если вы отстегивать будете, вас тоже не забудут. Не думаю, что Сухарь «греть» вас будет, но на зоне, если вдруг попадетесь, отношение к вам нормальное будет. А то можно ведь и свинью подложить: объявят вас суками, и все, никакой жизни. Насчет женской зоны не знаю, а в мужской пацанов конкретно опустят...

– А кто на зону собирается?

– Так никто и не даст вам собраться. Придут, возьмут под белы ручки, и привет... Или за вами нет никакой вины?

– Ну, вина, может, и есть, только у нас все схвачено.

– Да, знал я одного такого, – с мрачной иронией усмехнулся Антон. – Тоже так говорил, пока на десять лет не закрыли... Да я и сам в свое время думал, что со мной такого никогда не будет. Так в этом себя уверил, что страх потерял... От тюрьмы не зарекайся.

– Я не хочу в тюрьму.

– Тогда завязывай со своими делами.

– А если мне интересно заниматься своими делами? Если я не могу жить без риска?

– Я тебя понимаю, – кивнул Антон. – Сам люблю пощекотать нервы.

– Поэтому выставляешь хаты?

– Я все сказал. Больше ничего по этой теме не добавлю.

– И не надо ничего говорить. Если ты этим щекочешь себе нервы, пожалуйста. Но если кобелировать будешь...

– То что? – жестко глянул на Карину Антон.

Никогда он еще на нее так не смотрел. Но именно поэтому она не растаяла под его взглядом, как раз наоборот.

– Я понимаю, ты при делах, срок мотал, все такое. Только я на это не посмотрю. Изменишь мне – останешься без яиц, – сказала, как отрезала, она.

– А если ты мне изменишь?

– За это даже не беспокойся.

– Ты уверена?

– Абсолютно... Да и не с кем тебе изменять.

– А твой Шах? И этот, как его, Косолап...

– У вас «петухов» на зоне уважали?

– А сама как думаешь?
– Знаю, что нет... Если Шах «топтать» меня будет, он будет меня уважать как своего босса?

– Как женщину – да, а как босса... Не будет он тебя как босса воспринимать.

– Ну, я еще не совсем его босс... – замялась Карина. – Мне проблему с Сухарем решить надо. Если решу, все будет на мази, все, как я задумала...

– Что ты задумала?

– Поселок моим будет. Со всеми потрохами.

– Тебе это надо?

– Очень!

– А я думаю, что не надо. И с Сухарем не надо ничего решать. Надо платить. Он много не просит.

– Тридцать процентов – это не много?

– Тридцать процентов?! – удивился Антон. – Это много... Цеховики ворами десять процентов отстегивать должны. Есть такое соглашение между ворами и цеховиками. Но вы же не цеховики, вы – братва. Какая-никакая, а братва... И стволы, наверное, есть?

– Откуда ты знаешь? – вдруг встрепенулась Карина.

– Я ничего про стволы не знаю, – покачал головой Антон.

– Я не про стволы, я вообще...

Определенно, в этом парне было что-то магическое. Ведь он же представлялся ментом, вдруг это действительно так? Может, на вокзале он сказал ей правду, а в ресторане соврал? Может, он нарочно влез к ней в постель, почувствовал ее к себе интерес? А ведь такое запросто могло быть. Он мент, а она тут пузыри перед ним пускает. И про Шаха рассказала, и про Косолапа, и про свои с Сухарем проблемы. Он ей лапши про зону навешал, она уши и развесила, как последняя «лохушка».

– Значит, мама у тебя здесь живет?

– Живет.

– Ну, тогда мы сейчас к ней в гости пойдем... Или нет никакой мамы?

– Доброе утро, моя девочка! – с мягкой издевкой усмехнулся Антон. – А я все ждал, когда ты проснешься... Проснулась, молодец. Только я не мент. И мама у меня здесь, на пятом этаже, живет... Если не веришь, мы можем сходить к ней... Или думаешь, что мама подставная?

– А вдруг?

– Не того ты еще полета птица, чтобы перед тобой разыгрывать такой спектакль... Но вдруг станешь?

– И что тогда?

– Тогда менты займутся тобой всерьез. Так что лучше не подставляться... Я так понимаю, что Шах и Косолап приходят к тебе со своими проблемами?

– Кто такой Шах?

– Понятно... Мне уходить?

– Ты правда не мент?

– Не надо расслабляться, Карина. И верить никому нельзя. Проверять надо... Есть один простой способ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.